

ISSN 0130-7673

Н О В Ы Й
М И Р

6

1990

НОВЫЙ МИР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 1925 г.

№ 6

Июнь, 1990 г.

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ДАВИД САМОЙЛОВ — Я вырос в железной скворешне..., стихотворение	3
АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН — Раковый корпус, повесть	4
ЭДУАРД БАЛАШОВ — Два стихотворения	117
ЮРИЙ КАРАБЧИЕВСКИЙ — Кто ближе в этот миг, стихи	118
РУСЛАН КИРЕЕВ — Играем в снежки среди ночи. Поздняя проза	119
ИННА ЛИСНЯНСКАЯ — Земные дети, стихи	138
АНДРЕЙ ВОЛОС — Рассказы	140
ТАТЬЯНА ЕФИМЕНКО — И тень летит за тенью, стихи. <i>Ирина Гитович</i> — Необходимы уточнения	172

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

А. ТВАРДОВСКИЙ — Наброски и черновики. Вступительное слово, публикация и примечания М. И. Твардовской	178
---	-----

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ

СЕРГЕЙ ЗАЛЫГИН — О Твардовском	188
--------------------------------	-----

ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ

П. ПЭНЭЖКО — Поездка в Загорье. Земельный вопрос на хуторе и в его окрестностях	194
---	-----

ПУБЛИЦИСТИКА

М. ВОСЛЕНСКИЙ — Номенклатура. Фрагменты книги	205
---	-----

(См на обороте)

СОДЕРЖАНИЕ (окончание)

	Стр.
ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ	
Д. МЕДРИШ — После выстрела. Пушкин: «Песня о Георгии Черном»	231
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
Е. ТАМАРЧЕНКО — <i>Идея правды в «Тихом Доне»</i>	237
СИМОНА ВЕЙЛЬ — «Илиада», или Поэма о силе. Перевели с французского Кэтрин Темерсон и Александр Суконик. Вступительное слово С. Авенинцева. Послесловие Александра Суконика	249
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ	
<i>Литература и искусство</i>	
А. Нежный. Современный паломник. Ирина Васюченко. Арлекин против Кощея.	261
<i>Политика и наука</i>	
Н. Бросова, Л. Лисюткина. Реабилитация здравого смысла.	267
КОРОТКО О КНИГАХ:	
В. Вахрушев.— Джеймс Джойс. Улисс. Роман	271
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ	272

К СВЕДЕНИЮ ИЗДАТЕЛЬСТВ И РЕДАКЦИЙ

Обращаемся с просьбой ко всем советским и зарубежным издательствам, а также к редакциям газет и журналов всякий раз ставить нас в известность о намерениях перепечатать произведения, помещенные на страницах нашего журнала.

Редакционная коллегия.

Д. МЕДРИШ

*

ПОСЛЕ ВЫСТРЕЛА

Пушкин: «Песня о Георгии Черном»

Более ста лет назад Ф. М. Достоевский писал, что «Песни западных славян» — «шедевр из шедевров Пушкина, между шедеврами его шедевр, не говоря уже о пророческом и политическом значении этих стихов». Из шестнадцати стихотворений цикла особо выделив два — «Песню о битве у Зеницы-Великой» и «Песню о Георгии Черном» («Это два шедевра из этих песен, бриллианты первой величины в поэзии Пушкина»), — он с горечью добавил: «...и непременно потому-то они совершенно неведомы в наших школах не только ученикам, но, и весьма вероятно, и учителям...» («Дневник писателя», февраль 1877 года). Последние слова сохраняют справедливость и в наши дни — к сожалению. А ведь сейчас, кажется, самое время перечитать одиннадцатую в цикле — «Песню о Георгии Черном»:

Не два волка в овраге грызутся,
Отец с сыном в пещере бранятся.
Старый Петро сына укоряет:
«Бунтовщик ты, злодей проклятый!
Не боишься ты Господа Бога,
Где тебе с султаном тягаться,
Воевать с белградским пашою!
Аль о двух головах ты родился?
Пропадай ты себе, окаянный,
Да зачем ты всю Сербию губишь?»
Отвечает Георгий угрюмо:
«Из ума, старик, видно, выжил,
Коли лаешь безумные речи».
Старый Петро пуще осердился,
Пуще он бранится, бушует.
Хочет он отправиться в Белград,
Туркам выдать ослушного сына.
Объявить убежище сербов.
Он из темной пещеры выходит;
Георгий старика догоняет:
«Воротись, отец, воротись!
Отпусти мне невольное слово».
Старый Петро не слушает, грозитя:
«Вот ужю, разбойник, тебе будет!»
Сын ему вперед забегает¹,
Старику кланяется в ноги.
Не взглянул на сына старый Петро.
Догоняет вновь его Георгий
И хватает за сивую косу².
«Воротись, ради Господа Бога:
Не введи ты меня в искушенье!»
Отпихнул старик его сердито
И пошел по белградской дороге.

¹ В поверьях многих народов существует запрет: идущему мужчине не следует оглядываться.

² Деталь, вероятно, подсказана портретом Георгия Черного, помещенным в книге Д. Н. Бантыш-Каменского (о ней речь впереди), на котором сербский воевода изображен с длинной косой. У старого Петра коса, естественно, с и в а я: подчеркнуто, что перед нами отец и сын.

Горько, горько Георгий заплакал,
 Пистолет из-за пояса вынул,
 Взвел курок, да и выстрелил тут же.
 Закричал Петро, зашатавшись:
 «Помоги мне, Георгий, я ранен!»
 И упал на дорогу бездыханен.
 Сын бегом в пещеру воротился;
 Его мать вышла ему навстречу.
 «Что, Георгий, куда делся Петро?»
 Отвечал Георгий сурово:
 «За обедом старик пьян напился
 И заснул на белградской дороге»*.
 Догадалась она, завопила:
 «Будь же Богом проклят ты, черный,
 Коль убил ты отца родного!»
 С той поры Георгий Петрович
 У людей² прозывается Черный.

Судьба Георгия Черного, или Карагеоргия¹ (1768—1817), «основателя сербской независимости», вождя Первого сербского восстания против турок в 1804—1813 годах, некоторое время жившего в пределах России (в Бессарабии) и трагически погибшего на родине, вызывала живой интерес в Европе, в России особенно. Эпизод, о котором рассказал в стихотворении Пушкин, имел под собой реальную основу. Одна неточность, однако, поэтом допущена. В действительности Георгий убил не отца, а отца-мать; если на этот счет у кого-нибудь и оставались сомнения, то они окончательно рассеялись после того, как М. Вукичич опубликовал свое исследование о Карагеоргии². Отчего же у Пушкина иначе? Можно было бы объяснить это неосведомленностью современников, сославшись, например, на книгу Д. Н. Бантыш-Каменского «Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию», опубликованную в Москве в 1810 году и Пушкину хорошо известную. Но только ли с версией, изложенной в этой книге, был знаком поэт? Да и сама эта версия где и по какой причине возникла?

На первый из поставленных вопросов ответ однозначен: нет, не только. Можно еще допустить, что в пору создания «Дочери Карагеоргия» — стихотворения с упоминанием о верховном воеводе Сербии, написанного сразу же по приезде в Кипинев (1820), — Пушкину была известна только версия об убийстве родного отца (на этот счет имеется приписка в рукописи стихотворения). «Песня о Георгии Черном», однако, создавалась как и весь цикл, примерно гриннадцать лет спустя. Считается, что все эти годы Пушкин не обращался к сербской теме, пока толчком к созданию цикла не послужила «Гузла» П. Мериме (издана в Париже в 1827 году), связь которой с творческой историей «Песен западных славян» отмечена самим Пушкиным в авторском предисловии. Между тем это не так.

Набросок в две строки, сделанный на обороте черновика стихотворного послания к А. П. Керн («Я помню чудное мгновенье...») и, следовательно, относящийся к 1825 году, пушкинисты определяют то как запись неизвестной русской народной песни, то как подражание ей:

Расходились по поганскому граду,
 Разломали темную темницу...³

Не только принадлежность этих двух написанных рукою Пушкина строк к русскому фольклору сомнительна, но и косвенное отражение в них ситуации, которая могла бы быть заимствована из какой-либо русской песни, на наш взгляд, маловероятно. Ведь для русского культурно-исторического сознания было характерно иное соотношение своего и чужого. Свое ассоциировалось с городом, существовал особый культ «града», ярко выраженный, например, в былинном эпосе или в «Слове о пол-

* По другому преданию, Георгий сказал товарищам: «Старик мой умер; возьмите его с дороги». (Прим. А. С. Пушкина)

¹ Заметим, что первая и последняя строки стихотворения противостоят, как полюсы магнита: «Не два волка...» — «У людей...».

² «Кара» по-турецки значит черный.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 9, стр. 35.

⁴ Вукићенић М. Карађође. Књ. 1. Београд. 1907.

⁵ Как это по-пушкински всеохватно: на одном листе и чудное мгновенье, гений чистой красоты — и поганский град, темная темница!

ку Игореве». Чужое («поганское») связывалось с «полем», со «степью»⁸. Обратная картина сложилась в историческом сознании южных славян. Восстания против турецкого ига начинались с того, что народ («райя» — стадо, как презрительно называли его завоеватели) уходил в леса и ущелья и оттуда начинал поход на города, в которых засели турки. Первое сербское восстание, руководимое Георгием Черным, сопровождалось штурмом многих городов-крепостей и длительной осадой Белграда, взятого в конце 1806 года. В эпических песнях сербов строки о захвате «поганских» городов становятся своеобразным лейтмотивом:

Чтоб ударить на турецкий город,
Выгнать войско, уничтожить страну
И разрушить вражескую крепость.⁹

Итак, вопреки существующим толкованиям строки о «поганском граде», надо думать, представляют собой перевод общего места сербских народных песен, может быть, даже перевод строк из песни о начале поднятого Карагеоргием восстания¹⁰. Значит, уже за несколько лет до появления «Гузлы» Пушкин пытался осуществить какой-то замысел, ориентируясь при этом на подлинный фольклор сербов. Значит, у автора «Песен западных славян» наряду с «Гузлой» были и другие, хронологически более ранние импульсы. И если рассматривать это восходящее к сербскому эпосу двуступище как первый подступ к «Песням западных славян», то окажется, что работа над циклом началась вслед за написанием «Бориса Годунова» и «Песен о Стеньке Разине», пик ее совпал с созданием «Медного всадника» и пушкинских сказок, а завершение — с разработкой пугачевской темы («История Пугачева», «Капитанская дочка»). «Песням западных славян» предшествовали также годы общения Пушкина с проживавшими в Бессарабии сербами, годы знакомства с многочисленными письменными источниками — сначала в богатейшей, ныне почти полностью утраченной библиотеке Липранди в Кишиневе, а потом и с более поздними трудами о Сербии, русскими и зарубежными¹¹.

С какими же трактовками трагического события из жизни Георгия Черного мог встретиться поэт? Следует вспомнить прежде всего «сербского Оссиана» Милутиновича Симу Сарайлия, друга Караджича, участника сербского восстания, который как раз в пору пушкинской ссылки проживал в Кишиневе. Его знаменитая поэма «Сербиянка» (он даже намеревался назвать ее «Сербиада» — по аналогии с «Илиадой») была издана в Лейпциге в 1826 году на средства И. С. Ризнича¹². У Милутиновича об убитом сказано однозначно: «очух» (отчим). Двумя годами позже В. Герхард (это, видимо, тот самый «ученый немец», который упоминает Пушкиным в предисловии к «Песням западных славян») издает в Лейпциге же сборник сербских песен, сказок и героических преданий; здесь изложена следующая версия: «...Георгий с отрядом сопровождал жителей своей деревни через Саву в Австрию, где они искали защиты от турок...» Накануне переправы «отчим Георгия утратил мужество и посоветовал вернуться назад. Никто не хотел последовать его совету. Тогда он ушел один, угрожая, что если они не пойдут с ним, то он их выдаст в Белграде. Все возопили... Но тот ничего не хотел слышать, а все дальше уходил в лес. Георгий крикнул еще несколько раз и настойчиво просил его не обречь их из-за своего малодушия на верную гибель, но тот не слушал. Тогда Георгий взял свое ружье и выстрелил в него, тихо промолвив: «Лучше ты один, чем все мы!» Это точные и истинные обстоятельства убийства¹³. Убит — отчим. Учтем также, что среди сербских воевод, бессарабских собеседников поэта, были и ближайшие спод-

⁸ См., например: Довженок В. И., «Сторожевые города на юге Киевской Руси» (в нн. «Славяне и Русь». М. 1968, стр. 37).

⁹ «Сербский эпос». В 2-х тт. М. 1960, т. 2, стр. 357—358. Перевод А. Ахматовой.

¹⁰ Подробнее об этом см.: Медриш Д. Н. Фольклоризм Пушкина. Вопросы поэтики Волгоград. 1987, стр. 23.

¹¹ В библиотеке поэта сохранилось девять книг, связанных с историей и культурой Сербии, на русском, сербскохорватском, французском, немецком языках, в их числе три тома фундаментального сборника сербских народных песен, изданных Вуком Караджичем; дошли до нас и сделанные рукой поэта выписки из других источников.

¹² Мужа той самой Амалии Ризнич, которой посвящено одно из лучших пушкинских стихотворений — «Для берегов отчизны дальней...».

¹³ Ierhard W. Wila. Serbische Volkslieder und Heldenmärchen. Leipzig. 1828.

вижники Георгия (например, Яков Ненадович), а они скорее всего знали, как все происходило на самом деле.

По-разному в различных источниках освещены и другие обстоятельства этого события. В одних мать побуждает Георгия к убийству, в других, напротив, проклинает его за это. Конфликт мотивируется то намерением старика предать восставших, то его нежеланием вместе со всеми уходить из родных мест. Одни утверждают, будто Георгий сам похоронил свою жертву, другие сообщают, что он, следуя традиции, отказался хоронить предателя. Судя по авторскому примечанию о «другом предании» (с примечаниями в произведениях Пушкина — неотъемлемая часть художественного текста), поэт хотел обратить читательское внимание и на то, что он следует народным преданиям, и на то, что при этом отбирает ту из версий, которая представляется ему предпочтительнее. Очевидно, и в вопросе об отце или отчине у Пушкина была возможность выбирать — и он сделал свой выбор.

Что сын убил именно родного отца — этот факт акцентируется на протяжении всей песни: «Отец с сыном в пещере бранятся», «Старый Петро сына укоряет», «Туркам выдать послушного сына», «Воротися, отец, воротися», «Сын ему вперед забегает», «Не взглянул на сына старый Петро», «Сын бегом в пещеру воротился», «Будь же Богом проклят ты, черный, коль убил ты отца родного»... С первых строк называя имена отца и сына порознь, поэт сводит их вместе в самом конце стихотворения: как раз после убийства родного отца персонаж — впервые — назван не только по имени, но и по отчеству — Георгий Петрович (замечено О. С. Муравьевой).

Очевидно, именно такая версия сюжета соответствовала творческому замыслу и самого стихотворения, и всего пушкинского цикла в целом. Не случайно открывающее цикл стихотворение повествует об отцеубийстве и братоубийстве, а четырнадцатая песня, получившая у Караджича заглавие «Бог в долгу не остается», в пушкинском изложении названа «Сестра и братья». В конфликт вступают самые близкие люди, сыновья поднимаются на отца, брат на брата. Взаимоотношения между самыми близкими, кровно связанными людьми как бы представляют в укрупненном плане человеческие отношения в целом. Тут тоже угадывается фольклорное начало, в духе которого — сводить весь спектр человеческих отношений к связям семейным: отец, сыновья, супруги. Иногда они соответствуют народным представлениям о должном, и тогда даже смерть не может разлучить родных людей, как, например, в «Похоронной песне Иакинфа Маглановича», седьмой в цикле:

Вспоминай нас за могилой,
Коль сойдется как-нибудь;
От меня отцу, брат милый,
Поклониться не забудь!

На таком фоне еще сильнее воспринимается трагическая неестественность отцеубийства — и следы связанной с ним фабулы тоже можно отыскать в фольклоре.

В опубликованных при жизни Пушкина сербских народных песнях о Георгии Черном конфликт его с отцом не изображается, что дает повод даже наиболее дальновидным пушкинистам утверждать: «...трагический конфликт идеологического характера между отцом и сыном, завершающийся убийством, сознательным и обдуманным, — ситуация для фольклора невысказанная. Резкое расхождение внутри одного стана борцов за национальную независимость, приводящее к отцеубийству, для патриархального сознания даже не трагедия, а катастрофа, крушение устоев жизни. Все это говорит о том, что сюжет «Песни о Георгии Черном» — пушкинский, а не фольклорный по самому своему существу...»¹⁴. Однако, на наш взгляд, такое противопоставление не имеет достаточных оснований. Пушкинский сюжет не противоречит фольклорному; источники стихотворения об этом свидетельствуют — и те, которые исследователями учтены, и те, которые еще не замечены пушкинистами. Так, рассказ об убийстве Георгием своего отца (не отчима) — то есть сюжет, якобы «для фольклора невысказанный», — в песенном творчестве южных славян существует. Он был записан в войске черногорского князя Данилы сотником Савой Мартиновичем и позднее передан им Караджичу, который включил этот текст в свой сборник значительно позже, в 1862 году. В разгар свадьбы своей сестры Елы Георгий узнает,

¹⁴ Муравьева О. С., «Из наблюдений над „Песнями западных славян“» («Пушкин. Исследования и материалы». Л. 1983, т. XI, стр. 161).

что турок Салим собирается увезти ее силой. После тщетных попыток урезонить похитителя разгневанный Георгий пускает в ход оружие, и Салим укрывается за городскими воротами, пользуясь поддержкой старого Петра, отца Георгия. Как и у Пушкина, Георгий трижды обращается к Петру — сначала просит отпереть ворота, затем требует и угрожает и наконец, взломав ворота, отсекает голову своему отцу. Турки в страхе бегут из города¹⁵. Итак, версия об отцеубийстве — фольклорная по происхождению. Опыт мирового фольклора убеждает, что на самые трагические ситуации народ глядит широко раскрытыми очами. Пушкин (в который раз!) всем другим версиям предпочел ту, которая отозвалась и в народной поэзии. Ведь для Пушкина-поэта не менее, чем разъяснения историков, важны были представления «людей» («...у людей прозывается»), идет ли речь о Сальери, быть может и не повинном в отравлении Моцарта, касается ли это Годунова, к убийству младенца, как уверены современные историки, не причастного, или Георгия Черного, родного отца не убивавшего. Из этого вовсе не следует, будто Пушкин пренебрегал историческими фактами, — напротив, только на их фоне и можно проникнуть в природу народных преданий.

Наряду с мифологией, формирующейся снизу, издавна существует и иная, идущая сверху. Народ рассказывает о встречах с нечистой силой — сверху поступают указания об охоте за ведьмами. Наш случай исключением не является. Уже в фольклоре сложилась мифологема из трех элементов: отец и сын — донос — убийство. Реальный жизненный материал переосмысливается народным певцом в свете этого построения. Вероятно, для того, чтобы кристаллизация легенды началась, необходимо, чтобы из трех составных частей мифологемы две существовали реально. Так, сербские гуслиры (а вслед за ними и Пушкин), сохранив две жизненные реалии, привнесли вымышленную третью — превратили согласно мифологеме отчима в отца. Мифологическая цепь замыкается, и возникает повествование, осуждающее разрыв естественных человеческих связей и утверждающее принципы добра и человечности. Такова мифологизация фольклорная. При желании, однако, в ту же мифологему может быть привнесен смысл, прямо противоположный народнопоэтическому. Так, в официально-мифологическом жизнеописании Павлика Морозова выстраиваются те же компоненты, что и в истории о Георгии Черном: конфликт между отцом и сыном — донос — убийство доносчика. Мифотворцам эпохи всеобщей коллективизации было не важно, доносил ли Павлик в действительности на отца или вел с ним открытую борьбу: чтобы восславить, вознести сына, в цепи его поступков требовался необходимый недостающий компонент триады: донос на отца. Цепь замкнулась, миф был пущен в оборот.

Вправе ли мы в данном случае говорить о мифе? Не касаясь многочисленных, особенно в последние полтора-два года, статей о случившемся в североуральской деревне шесть десятилетий тому назад, сошлемся лишь на высказывание автора одной из них: «Если бы литераторы и историки изучили два тома этого дела, они смогли бы заметить, что материалы его значительно отличаются от всего того, что мы знаем о трагедии в Герасимовке»¹⁶. Сам факт, что уже у истоков официального жизнеописания обнаруживается множество несогласованных вариантов и версий, говорит о том, что мы имеем дело не с историей, а с сочинительством, но, разумеется, не с фольклором, а с административно-идеологической мифологией. Если фольклорный миф нуждается в народном одобрении, то административному мифу положена санкция свыше. Дату ее нетрудно определить, если воспользоваться информацией из книжки Е. Смирнова «Павлик Морозов» (М. 1938): «Год тому назад товарищ Сталин предложил Московскому совету поставить у Красной площади памятник Павлику Морозову». Таким образом, версию, воспевающую доносительство сына на отца, «любимый вождь и отец всех ребят» (слова из книжки) утвердил в 1937 году.

¹⁵ Караић Вук Стеф. Српске народne pjesme Београд. «Просвета». 1976. књ. 4, № 25. Публикации русского перевода этой песни нам неизвестны. Заметим, что сюжет об убийстве отца-предателя вписывается черногорским гуслиром в типичную для южнославянского эпоса группу сюжетов о героическом сватовстве, столь основательно описанную фольклористом Б. Н. Путиловым в его книге «Героический эпос черногорцев» (Л. 1982, стр. 95).

¹⁶ Кононенко Вероника, «Посмертно... репрессировать?» («Человек и закон», 1989. № 1, стр. 79). Иная версия изложена в работе: Дружинников Ю., «Вознесение Павлика Морозова» («Родник», 1990, № 4—6).

Административно-идеологический миф — жанр паразитический: он использует структуру мифа народного, чтобы внедрить в жизнь нормы противоестественные, вступающие в противоречие с народной моралью. Если традиционный миф, имея опору в устоях народной жизни, погружает исходный исторический факт в круговорот народного быта, то административный миф, напротив, превращает бытовой эпизод (предварительно подвергнув его деформации) в прецедент политической истории. Понятно, что административно-спекулятивный миф с его аморальностью и антиэстетизмом в противоположность переходящему от поколения к поколению фольклорному в историческом масштабе недолговечен, потому и нуждается в высоком покровительстве и в постоянных идеологических впрыскиваниях¹⁷.

У всех народов самое страшное проклятие — отлучение от семьи. Разрыв родственных уз воспринимается как трагедия, а трагедия ведет к потрясению и очищению. Административный миф перешагивает через человеческие взаимосвязи как через несущественные осложнения. Вот что испытывает во время суда над отцом Павлик, если верить уже упоминавшейся книге Е. Смирнова, выпущенной «в помощь пионервожатому»: «Все просто... — Да, он был моим отцом, но больше я его своим отцом не считаю». Все просто — и никаких трагедий...

Как и в народной песне, в пушкинском стихотворении о Георгии Черном сын убивает отца. Но в творении поэта есть и то, чего нет в фольклорном сюжете, — он знает, что случилось после выстрела:

«Помоги мне, Георгий, я ранен!»
И упал на дорогу бездыханен.¹⁸

Двустишие, ради которого, быть может, и написана вся «Песня...», отмечено рифмой — единственной на все стихотворение¹⁹. Это миг просветления, когда исчезает все переходящее и остается — вечное. «Помоги мне, Георгий!» — как будто не собирался Петро донести на сына и словно не Георгий мгновением ранее произвел смертельный выстрел. А ведь это по-человечески самое простое и естественное — в самый трудный момент обратиться за помощью к самому родному человеку.

Можно подумать, что, создавая этот эпизод, поэт помышлял о противоядии от того административного мифа, который возник столетие спустя («...но больше я его своим отцом не считаю»). И если из всей бесценной пушкинской поэзии Достоевский выделал «Песни западных славян», а из всего этого цикла особо — два стихотворения, одно о давней битве, другое о Георгии Черном, то не только потому, что в том 1877 году потомки сражавшихся у Зеницы-Великой и внуки Георгия Черного вновь поднялись против османского ига, но, может быть, еще и оттого, что тогда же Иван Карамазов уже замышлял отцеубийство... Не этот ли трагический гуманизм стихотворения восхитил автора «Братьев Карамазовых»?

Запоздалое прозрение не в силах спасти Петра — от смерти, Георгия — от народного осуждения, от клочки Черный, которая осталась за ним на вечные времена. Но голос поэта звучит сквозь годы и столетия. И там, где он будет услышан, роковой выстрел, возможно, не прогремит.

¹⁷ Когда С. Эйзенштейн в фильме «Бежин луг», в основе которого судьба Павлика Морозова, отказался следовать канонам спекулятивной мифологии, фильм был уничтожен по распоряжению свыше.

¹⁸ Анджей Вайда в фильме «Пепел и алмаз», вероятно, непреднамеренно повторил примерно ту же ситуацию, с очень похожей развязкой: убитый, прежде чем упасть, пытается опереться на своего убийцу.

¹⁹ Сербский народный певец обходится обычно без рифмы, тоже, однако, прибегая к ней в исключительных случаях — там, где говорится о главном, на что следует обратить особое внимание слушателя.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

*

ПОЛИТИЗДАТ

Социальные ориентиры обновления: общество и человек. Под общей редакцией Т. Заславской. 448 стр. Цена 1 р. 50 к.

И. Тарасевич. Примирения нет. Повесть о Д. Писареве («Пламенные революционеры») 331 стр. Цена 1 р. 30 к.

А. Яновлев. Оптимизация идеологической работы. 240 стр. Цена 1 р. 10 к.

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

А. Белый. Серебряный голубь. («Забытая книга») 463 стр. Цена 2 р. 20 к.

Л. Добычин. Город Эн. Рассказы. («Забытая книга») 222 стр. Цена 70 к.

И. Лажечников. Последний Новик. Роман. («Классики и современники») 511 стр. Цена 2 р. 40 к.

Д. Мережковский. Воскресшие боги. Леонардо да Винчи. 640 стр. Цена 4 р. 50 к.

«РАДУГА»

Бриллиантовая свадьба. Повести и рассказы писателей Финляндии. Перевод с финского, шведского. 478 стр. Цена 3 р. 10 к.

А. Гроссо. Гости. Роман. Перевод с испанского. («Современная испанская литература») 160 стр. Цена 1 р.

Современная югославская повесть. 80-е годы. Перевод с разных языков, 496 стр. Цена 3 р. 40 к.

Царь-дерево. Современные китайские повести. Перевод с китайского. 544 стр. Цена 3 р. 50 к.

«ПРОГРЕСС»

В. Кёппен. Голуби в траве. Теплица. Смерть в Риме. Перевод с немецкого. («Политический роман») 505 стр. Цена 3 р. 40 к.

Ф. Нибел, Ч. Бейли. Семь дней в мае. Перевод с английского. («Политический роман») 336 стр. Цена 2 р.

Ю. Торвальд. Век криминалистики. Перевод с немецкого. 335 стр. Цена 3 р. 30 к.

Э. Фромм. Бегство от свободы. Перевод с английского. 271 стр. Цена 1 р. 10 к.

«СОВРЕМЕНИК»

Записки очевидца. Воспоминания Дневники. Письма Мемуары, связанные с русской историей и культурой XVIII—XX веков 720 стр. Цена 2 р. 80 к.

В. Набоков. Романы. Машенька. Защита Лужина. Камера обскура. Приглашение на казнь. 541 стр. Цена 5 р.

В. Соловьев. Литературная критика (Библиотека «Любителям российской словесности. Из литературного наследия») 422 стр. Цена 1 р. 90 к.

С. Чупринин. Настающее настоящее. Три взгляда на современную литературную смуту. («Диалог со временем») 160 стр. Цена 30 к.

«НАУКА»

М. Алексеев. Русская литература и ее мировое значение. Л. 413 стр. Цена 4 р. 50 к.

Чеховиана. Статьи, публикации, эссе. 277 стр. Цена 2 р.

Япония. 1988. Ежегодник. 314 стр., с илл. Цена 1 р. 80 к.

МЕСТНЫЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА

М. Бекетова. Воспоминания об Александре Блоке. («Литературные воспоминания») М. «Правда» 671 стр., с илл. Цена 2 р. 90 к.

Париж изменчивый и вечный. Сборник произведений. Перевод с французского Л. Издательство ЛГУ 629 стр. Цена 4 р. 20 к.

Э. Радзинский. Последняя из дома Романовых. Повести в диалогах. М. СП «Вся Москва». 495 стр. Цена 5 р.

Ю. Черный-Диденко. Вечерние огни. Роман, рассказы, очерки, статьи. Киев «Радянський письменник». 304 стр. Цена 1 р. 40 к.

Редакция рукописи не рецензирует и объемом меньше 2 печатных листов не возвращает.

Всеми вопросами подписки и доставки журнала занимаются местные и областные отделения «Союзпечати».

Главный редактор С. П. Залыгин

Редакционная коллегия:

В. П. Астафьев, А. Г. Битов, В. М. Борисов, А. В. Василевский (ответственный секретарь), Ф. К. Видашку (зам. главного редактора), Р. Г. Гамзатов, Д. А. Гранин, И. Я. Зиедонис, В. А. Костров (зам. главного редактора), Д. С. Лихачев, П. А. Николаев, Б. И. Олейник, И. Б. Роднянская, В. И. Селюнин, М. В. Тимофеева, Е. Л. Храмов, О. Г. Чухонцев, В. А. Ярошенко

Технический редактор А. С. Гинзбург

Адрес редакции: 103806 ГСП, Москва К-6, Малый Путиловский пер., д. 1/2 Тел. 200-08-29.

Сдано в набор 20.03.90.

Подписано в печать 20.08.90

Формат бумаги 70×108^{1/16}. Бумага кн.-журн. Высокая печать. Объем 17 п. л.

(23,8 усл. печ. л., 24,0 усл. кр.-отт.) 27,02 уч.-изд. л.

Тираж 2.710.000 экз. (1-й завод 1—400.000 экз.). Зак. 1351. Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Известия Советов народных депутатов СССР»
103798, Москва К-6, Пушкинская пл., 5.

Ордена Трудового Красного Знамени типография «Известий Советов народных депутатов СССР» имени И. И. Скворцова-Степанова. 103798, Москва, Пушкинская пл., 5.